
Ф. Х. КЕССИДИ

ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИХ МЕНТАЛИТЕТА

Как и всякая сфера деятельности и творчества, философия древних греков имеет свою историю. Зародившись, она развивалась, усложнялась, дифференцировалась на части (онтологию, гносеологию, этику и т. п.).

Следуя идущей от Аристотеля традиции, мы считаем первыми философами, или, точнее, натурфилософами («физиологами», по Аристотелю), тех ранних мыслителей, которые, отказавшись от мифопоэтических представлений о мире, взяли за первоначало (αρχή) вещей один из элементов (стихий) природы: воду, воздух или огонь. Указывая на отличие своего философского учения от воззрений первых натурфилософов, Аристотель писал: «Фалес – родоначальник такого рода философии», утверждал, что первоначало есть вода, влажное начало вообще¹. Сказанное означает, что первые философы (натурфилософы) стали на путь рационального (пусть еще наивного) поиска постоянной основы меняющихся вещей. С этой точки зрения, возникают и погибают отдельные вещи, представляющие собой различные состояния всего сущего. А сущее, говоря словами Стагирита, «сохраняется навеки» (αεὶ σωζομένης). Оно же (сущее, вода), будучи вечным и самодвижущимся, «божественно» и «одушевленно» (см. 11, А 1, 27; А 1, 22–23 Diels-Kranz). Мир (вселенная), однородный в своей основе, представляет собой живой организм.

Философ, с точки зрения древних греков, – это человек, осведомленный в самых различных областях знания. Так,

---

¹ См.: *Аристотель*. Метафизика. I, 3, 983 в 20–24. Далее – *Мет.*

предание изображает философа **Фалеса** (ок. 630–540 гг. до н. э. Далее даты, связанные с античными авторами, подразумевают («до н. э.») как математика, геометра, метеоролога, астронома, предсказавшего солнечное затмение 585 г.; инженера-гидравлика, политика и т. п. Не касаясь вопроса о степени достоверности того или иного из дошедших до нас сведений о Фалесе, необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на следующее обстоятельство: обычно историки философии, как и историки науки, не придают особого значения легендам о Фалесе, однако именно по ним можно судить об образе философа, сложившемся у древних греков и у самих греческих философов.

Вот одна из таких легенд, переданная Платоном в диалоге «Теэтет» (174 а): «... когда он (Фалес. – *Ф. К.*), наблюдая небесные светила и заглядевшись наверх, упал в колодец, то какая-то фракиянка, миловидная и бойкая служанка, посмеялась над ним, что-де он стремится знать то, что на небе, а того, что рядом и под ногами, не замечает». «Эта насмешка, – многозначительно заключает Платон (точнее, платоновский Сократ), – относится ко всем, кто бы ни проводил свой век в занятиях философией». Другими словами, для греков и Платона философ – это прежде всего человек, отрешенный от повседневных забот и проводящий жизнь в размышлениях (созерцании), в занятиях отвлеченными проблемами; ценность философии в том, что она выше практических целей и утилитарных соображений. Поэтому, надо полагать, Платон не упоминает о другом предании, связанном с оливковыми прессами (маслобойнями). Об этой истории говорится в «Политике» Аристотеля (I, IV, 1259 а 5–15): Фалеса часто упрекали в бедности, видя в ней доказательство бесполезности философии (такое представление о ней нередко бытует и в наши дни). Но, продолжает Аристотель, Фалес, предвидя на «основании астрономических данных богатый урожай оливок, еще до истечения зимы раздал в задаток имевшуюся у него небольшую сумму денег всем владельцам маслобоен в Милете и на Хиосе, законтрактовав их дешево, так как никто с ним не конкури-

ровал. Когда наступило время сбора оливок и сразу многим потребовались маслобойни, он, отдавая маслобойни на откуп на желательных ему условиях и собрав много денег, доказал, что философам при желании легко заработать, но **не это является предметом их стремлений**» (выделено мной. – Ф. К). Таким образом, философия для Фалеса – это умозрение о мире, попытка объяснения явлений природы посредством живого созерцания. На этом пути Фалес пользовался также и образными представлениями о том, например, что Земля поддерживается водой и плавает в ней, подобно дереву (бревну) или аналогичному предмету (11, А 14).

Второй представитель милетской школы натурфилософов, а именно **Анаксимандр** (ок. 610 – 545 гг.), взял за первоначало всего сущего беспредельное (*ἄπειρον*), которое вечно, объемлет все и всем управляет (см. 12 В 2, 3; А 11). Тем самым Анаксимандр достиг более высокой степени отвлеченного (рационального) мышления, чем его предшественник Фалес. Однако Анаксимандр, как и Фалес, также прибегал к образным сравнениям и аналогиям. У него Земля имеет форму цилиндра, высота которого составляет треть ширины (А 10). Вместе с тем Анаксимандр выдвигает «безумную идею», согласно которой Земля, ничем не поддерживаемая, сохраняет свое местопребывание в мировом пространстве вследствие равного расстояния от всех остальных небесных тел (см. А 11, 26). Начертав карту известного ему мира, Анаксимандр одним из первых использовал модельные представления.

На наш взгляд, в преданиях о созерцательной (теоретической, познавательной) деятельности как идеале жизни ранних греческих философов и досократиков вообще содержится если не историческая, то поэтическая правда. Поэтическая правда – это то, что, так сказать, витает в воздухе, существует виртуально, но еще не проявилось в действительности, не выразилось в словах, т. е. не артикулировано, как ныне принято говорить. Уместно напомнить легенду о Пифагоре, впервые назвавшем себя философом и явившемся, надо полагать, автором термина «философия».

Цицерон в своих «Тускуланских беседах» (V, 8–9; см. также: *Диоген Лаэртский*. I, 12) передает известный рассказ о том, что, когда Леонт, правитель Флиунта, спросил Пифагора об источнике его обширных знаний и роде занятий, Пифагор ответил будто бы, что никаких особых знаний и специальности у него нет, он – просто философ, т. е. «любомудр». Отвечая же на вопрос Леонта, кто такие философы и чем они отличаются от других людей, Пифагор привел аналогию с Олимпийскими играми. На эти игры приходят три категории людей: сами участники, стремящиеся к славе; те, кто продает и покупает что-нибудь, с целью наживы, и, наконец, те, кто не стремится ни к славе, ни к наживе, но приходит лишь затем, чтобы беспристрастно созерцать происходящее. Так и в жизни: большинство людей стремятся к материальным благам, сравнительное меньшинство – к славе и почестям, и лишь немногие, безразличные к славе и богатству, заняты созерцанием и познанием того, что происходит в жизни и самом мире.

Приведенный рассказ, переданный Цицероном со слов Гераклида Понтийского, младшего современника и ученика Платона, восходит к IV в. до н. э. Он созвучен платоновской «Апологии Сократа»². Здесь же отметим, что **Пифагор** (ок. 580–500 гг.) и его школа, занимаясь математическими проблемами, уподобили вещи и весь мир (космос) числам и числовым отношениям. Они же придали числам образное (геометрическое) выражение: «Графическое изображение чисел и числовых единиц привело к выделению... тех чи-

---

² Некоторые историки философии, в частности Пьер Адо, считают, что сообщение Гераклида Понтийского – «это проецирование на Пифагора платоновского понятия *philosophía*» (с. 30). Автор отмечает, что у Геродота (1,30) мы находим первое упоминание о «философской деятельности». Имеется в виду легендарная встреча Солона (VII – VI вв. до н. э.) с лидийским царем Крезом. В этой встрече говорится о мудрости (*σοφία*) и любви к мудрости (*φιλοσοφείας*). Получается, что термин «философия» вошел в обращение раньше Пифагора, т. е. при жизни Солона. Однако П. Адо считает, что «досократики, по-видимому, обозначали свою интеллектуальную активность словом *historia* – «исследование» (Адо, с. 31). Автор добавляет, что Гераклит Эфесский, говоря о «философах» (B 35), имел в виду также «исследование», а не «любомудрие» (см. там же). Иначе говоря, термин «философия» восходит к Солону, но – странно – ранние греческие философы (если не сказать, досократики) им не пользовались.

сел, из определенного расположения которых образуется та или иная геометрическая фигура. Отсюда и понятия (образы-понятия) о «квадратных», «кубических», «треугольных» и тому подобных числах»³. Короче говоря, строго математические (рациональные) понятия и рассуждения пифагорейцев совмещались с образно-наглядными представлениями.

Современному человеку трудно представить совмещение созерцательной («теориейной») жизни с активной политической деятельностью, наблюдаемое у многих греческих философов, в частности в школе Пифагора (бывшей в то же время религиозно-политическим или этико-политическим союзом). Дело в том, что в греческих полисах, особенно в демократических, гражданин был обязан принимать участие в политической жизни своего города-государства. Достаточно сказать, что он должен был присутствовать в периодически созываемых народных собраниях, нередко участвовать в суде присяжных и других учреждениях. В своей надгробной речи Перикл говорит: «Одни и те же люди у нас одновременно бывают заняты делами и частными, и государственными»⁴. Сократ, который избегал политики, был тем не менее однажды избран на роль председателя народного собрания (нечто вроде спикера или премьер-министра), хотя сроком всего на один день.

Созерцательность, столь характерная для всего античного умонастроения, в некотором отношении напоминает творческую деятельность современных ученых, занятых исследованием фундаментальных проблем, т. е. проблем, интересных самих по себе и не имеющих до поры до времени практического применения. Впрочем, если иметь в виду Пифагора и его школу, то в ней наметилась связь (хоть и отдаленная) «теорийных» математических исследований с определенным образом жизни, названным пифагорейским. Однако сам пифагорейский образ жизни имел «мировоззренческие основания – он вытекал из их пред-

---

³ Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. 1972. С. 167.

⁴ Фукидид. II, 40, 2.

ставления о космосе как упорядоченном и симметричном целом»⁵.

Ксенофан (ок. 570 – 478 гг.) – философ-поэт и сатирик, родоначальник элейской школы философов. В творчестве Ксенофана также сказалась одна из самобытных черт менталитета древних греков, а именно: совмещение конкретно-образного и отвлеченно-абстрактного мышления. В иерархии ценностей он ставит интеллектуальную деятельность (мудрость) на первое место. Отсюда его критика антропоморфизма и мифологии, традиции греков прославлять Олимпийские игры и воздавать почести победителям на них. Говоря, что «наша мудрость гораздо лучше силы и людей, и лошадей», он считает бессмысленным и несправедливым «отдавать предпочтение телесной силе перед благой мудростью» (21 В 2). Хотя основу всего сущего Ксенофан усматривает в материальном начале (Земле), он тем не менее переходит на уровень абстракции, позволяющей ему считать бытие однородным, тождественным себе и неподвижным (см. В 26). У Ксенофана лишь намечается отличие «истины» от «мнения» (см. В 34).

Между Ксенофаном и его последователем Парменидом хронологически следует **Гераклит из Эфеса** (ок. 540 – 475 гг.). О Гераклите у нас еще будет отдельный разговор. Здесь же отметим, что эфесец подвергал резкой критике «большинство людей» за непонимание многих вещей, в том числе того, «каковы боги и герои» (22 В 5). Более того, Гераклит язвительно отзывался о своих предшественниках (Пифагоре, Ксенофане и других), которые, на его взгляд, много знали, но мало понимали (см. В 40). Говоря словами Теодора Гомперца (Gomperz), в лице Гераклита «мы впервые встречаем на своем пути не считающего, не измеряющего, не вычерчивающего, не искусного на все руки мыслителя, а мирового мудреца, спекулятивный («теорийный», сказали бы мы) ум, изумляющее духовное богатство которого нас еще и поныне питает и услаждает, но вместе с тем и «чистого философа» в менее похвальном смысле слова,

---

⁵ Чанышев. Философия Древнего мира. М., 1999. С. 194.

т. е. человека, не изучившего основательно ни одной специальности и вместе с тем ставящего себя судьей над всеми»⁶.

На наш взгляд, Гераклит Эфесский является одним из ранних греческих философов, в образе мышления которого органически сливаются художественный образ и отвлеченное понятие, образуя, если можно так выразиться, *смыслообраз*. Некоторые из его образов-понятий (смыслообразов) употребляются и в наш деловой век, например, «в одну и ту же реку невозможно войти дважды», «многознание уму не научает» и т. д.

Обладая необыкновенным даром художественного воображения и сильным желанием выразить идею противоречивого характера всего сущего, Гераклит стремился в одной фразе совместить единство (тождество) противоположностей («бинарные оппозиции», говоря в духе иных современных авторов). Так, высказывая парадоксы, эфесец говорил: «Путь вниз и вверх – один и тот же» (В 60); «... день и ночь – одно» (В 57); «добро и зло – [одно]» (В 58). Можно сказать, что Гераклит является родоначальником «диалектической логики», т. е. системы рассуждений (извините, дискурса), совмещающей противоположные положения по формуле «и да, и нет»: «Мы существуем и не существуем», «предмет находится здесь и не находится здесь» и т. п.

Парменид из Элеи (ок. 540–470 гг.), приверженец рационализма, строго логического мышления, назвал Гераклита и его последователей людьми «о двух головах», пустоголовым племенем, которое «бытие и небытие» признает «одним и тем же» (см. 22 В 6).

Парменид первым установил качественное различие между разумом и чувственностью, мышлением и ощущением, между логическим и эмпирическим, между «истиной» и «мнением». На пути «истины» Парменид открыл «чистый разум» – дедуктивное мышление, рациональное доказательство, основанное на логическом законе тождества ($A=A$), хотя им и не сформулированном. Тем самым

---

⁶ Голперц. Греческие мыслители. СПб, 1911. I. С. 54.

Парменид стал первым греческим и европейским метафизиком (онтологом), а потому и, как считают некоторые историки философии, первым философом в собственном смысле слова.

Не вступая в схоластический, на наш взгляд, спор о том, с кого начинается греческая философия – с Фалеса или Парменида, отметим, что на «пути истины» Парменид искал такое бытие, которое было бы отлично от всего физического, возникающего и исчезающего; от всего того, что имеет начало и конец во времени. Отсюда его идея о бытии, которое «есть» всегда, самоидентично, цельно и неподвижно. Элейский философ отрицал не физическое движение и изменение, а допущение возможности возникновения бытия (вечного и непреходящего), а тем самым и его гибели. Поиск онтологической реальности, отличной от реальности (полуреальности) возникающих и исчезающих вещей и явлений природы, явился новым этапом в развитии греческой философии. За исключением, пожалуй, зачаточных попыток Анаксимандра, ни один из предшественников Парменида не поднялся до различения метафизической и физической реальности.

Складывается впечатление, что Парменид – чистый рационалист, философ, оперирующий, можно сказать, чистыми понятиями. Но это не совсем так. Достаточно напомнить, что свое учение он облек в стихотворную форму, возможно, для придания своим мыслям выразительности и легкости при запоминании.

Он не был бы греком, если бы не стремился к политике. Из дошедших до нас сообщений мы узнаем, что вместе с Зеноном они усовершенствовали «государственное устройство» своего родного полиса – Элеи⁷.

Зенон Элейский (ок. 490 – 430 гг.) – ученик Парменида, родоначальник диалектики как искусства опровержения противника нахождением противоречий в его суждениях. Погиб героической смертью в заговоре против тирана, но обессмертил свое имя в истории человечества открытием

---

⁷ См.: *Страбон*. География. VI, 1.

знаменитых апорий (затруднений, парадоксов), которые нередко называют «роковыми противоречиями» в силу их логической неразрешимости.

Казалось бы, что высота абстрактно-логического мышления, которая была достигнута гением Зенона, исключает какие бы то ни было наглядные (образные) представления. Однако уже само название апорий («Ахиллес и черепаха», «Стрела» и др.) свидетельствует об обратном. Требуется поистине богатейшее творческое воображение, чтобы выразить сугубо логические рассуждения, доставляющие и по сей день «головную боль» ученым и философам, в самой что ни есть наглядной форме: «А догонит ли Ахиллес черепаху, которая находится на таком-то расстоянии от него?»

Все гениальное просто. **Демокрит из Абдер** (ок. 460–370 гг.) разрешил кризис теоретического мышления, вызванного апориями Зенона, тем, что разбил единое бытие Парменида на множество далее неделимых частиц (атомов), из соединения и распада которых в пустом пространстве возникают и погибают все вещи и сами бесчисленные миры.

По сообщениям древних авторов, Демокрит, отличавшийся исключительной любознательностью, истратил доставшееся ему от отца наследство на путешествия. За растрату наследства он подлежал наказанию – лишился возможности быть погребенным на родине. Согласно легенде, после того как Демокрит прочел своим согражданам одно из своих сочинений, он завоевал их симпатии. Более того, они наградили философа значительной суммой денег.

Как говорится, легенда легендой, да в ней намек. Намек на то, что древние греки высоко ценили знания (чего, к сожалению, нельзя сказать о современных греках метрополии, считающих себя автохтонами). Об умонастроении самого Демокрита свидетельствует его знаменитое высказывание о том, что он «предпочел бы найти одно причинное объяснение, чем приобрести себе весь персидский престол» (68 В 118).

Будучи материалистом в философии, абдерянин совсем не был таковым в быту, реальной жизни, если под словом «материалист» понимать стяжатель, гедонист. По его мнению, счастье состоит не в богатстве, будь то золото, количество рабов или скота, а в благом расположении духа, εὐθυμία (см.: В 171, А 1,45) и рассудительности (см.: В 40). По Демокриту, хорошая порода животных определяется их телесной силой, благородство же людей – хорошим духовным складом (ἡθεὸς εὐτρολίη) (В 57).

Имея сугубо научный склад ума, Демокрит не прибегал к использованию художественных образов. Впрочем, его многочисленные изречения и наставления свидетельствуют о его наблюдательности и умении излагать свои мысли сжато, емко, кратко: «Глушцов учит не слово, а несчастье» (В 76); «Телесная красота скотообразна, если в ней нет ума» (В 105); «Не из страха, но из чувства долга должно воздерживаться от дурных поступков» (В 41).

С **Сократа** (469 – 399 гг.) начинается новый этап в истории греческой философии, а именно переориентация философии с космологии на антропологию. Хотя она и началась с софистов, но главным объектом их интересов были риторика и диалектическое (полемическое) искусство. В отличие от последних, Сократ сосредоточил свое внимание на человеке и его поведении, на реализации дельфийского призыва «Познай самого себя» (γνῶθι σαυτόν).

Для Сократа знания и поступки едины: знание (слово) определяет ценность «дела», а «дело» – ценность знания, осведомленности. По Сократу, нельзя называть философом человека, стремящегося к мудрости и знанию, но в образе жизни лишенного добродетели. Философия, таким образом, означала для него **образ жизни**, неразделенность влечения к мудрости и добродетели.

В полном соответствии со своим пониманием назначения философии как образа жизни Сократ, обращаясь к судьям, говорит: «...даже если бы вы сказали мне: «На этот раз, Сократ, мы не послушаемся Анита и отпустим тебя, с тем, однако, чтобы ты больше не занимался этими исследо-

ваниями и оставил философию, а если еще раз будешь в этом уличен, то должен будешь умереть», – так вот, повторяю, если бы вы отпустили на этом условии, то я бы вам сказал: «Я вам предан, афиняне, и люблю вас, но слушаться буду скорее бога, чем вас, и, пока я дышу и остаюсь в силах, не перестану философствовать, уговаривать и убеждать всякого из вас» в том, что «ты афинянин, гражданин величайшего города, больше всех прославленного мудростью и могуществом, не стыдно ли тебе заботиться о деньгах, чтобы их у тебя было как можно больше, о славе и о почестях, а о разуме, об истине и о душе своей не заботиться и не помышлять, чтобы она была как можно лучше?»⁸

Поставив своей целью моральное совершенствование сограждан, Сократ стал на путь *определения понятий*, преимущественно этических, таких как добро как таковое, справедливость как таковая, мужество как таковое и т. п. Установка Сократа на определение понятий делает его рационалистом. Последовательный же рационализм (добродетель есть знание) исключает конкретно-образные представления, хотя Сократ на наглядных примерах и пытался определить сущность мужества, справедливости, добра и т. п.

Платон (427 – 347 гг.), следуя Сократу, пришел, однако, к выводу, что в изменяющемся мире чувственных вещей невозможно найти, так сказать, «чистых» понятий и определить, например, сущность мужества (прекрасного и т. п.) как такового. По Платону, общие определения (понятия как таковые) составляют самостоятельный, объективный мир сущностей, названный им **миром идей**. Мир вечных и неизменных идей – это своего рода Солнце, которое отражается в мутном потоке возникающих и исчезающих вещей и явлений. Каждая вещь в большей или меньшей степени содержит элемент, долю идеи (идеального), но не более того. Так, ни одна красивая вещь не может полностью выразить идею (понятие, сущность) красоты как тако-

---

⁸ Платон. Апология Сократа, 29 с–е.

вой; ни одно живое существо, например конкретная лошадь, не может воплотить в себе идею лошади – «лошадность».

В личности и творчестве Платона совмещаются мыслитель и поэт, мечтатель и политик, умозрительный философ и несравненный стилист, ибо свои отвлеченные рассуждения и воззрения он облакал в образные представления и аллегории (например, в знаменитую аллегорию пещеры). Более того, порой он сочинял мифы с целью наглядного выражения отвлеченных идей. Вместе с тем Платон – тонкий диалектик, виртуозно оперирующий понятиями.

Феномен Платона – это символ, олицетворение гения древних греков, достигших как в сфере отвлеченного мышления, так и в сфере образного постижения мира и жизни необычайных высот, восхищающих нас и поныне. Иначе говоря, необычайная развитость обоих типов мышления у древних греков – суть их творческого гения, а их философия есть проявление своеобразия их менталитета.

Аристотель (384–322 гг.) – величайший греческий философ и ученый. Как до, так и после него никто из греческих философов не выразил со всей определенностью и убежденностью мысль о том, что созерцательная жизнь (*βίος θεωρητικός*) – наилучшая. Исходя из того, что философия как умозрительная (созерцательная) область знания исследует «первоначала и причины» всего сущего, Аристотель сделал вывод о том, что философия – высшая из наук. Она есть знание (познание) ради знания, ради самой себя. «Таким образом, – заключает Аристотель, – все другие науки более необходимы, нежели она, но лучше – нет ни одной»⁹.

Разумеется, философия, изучая «первоначала и причины», формирует интеллектуальные и духовные предпосылки для осмысленной ориентации в мире и жизни, для верного понимания блага и счастья, говоря в духе Стагирита¹⁰.

---

⁹ *Мет.* I, 2, 983 а 10.

¹⁰ Никомахова этика, I, 4–5, 1095 в 10–15.

Тем не менее складывается впечатление, что для древнегреческого философа βίος θεωρητικός представляет собой главным образом интеллектуальную деятельность, философский образ жизни, а не что-либо другое. Не забудем, что бог Аристотеля есть чистый разум, интеллект как таковой, мышление мышления.

По сложившейся древней традиции, наблюдаемая у древних греков диспропорция между необычайно высоким уровнем развития отвлеченно-теоретического мышления и расцветом художественного творчества, с одной стороны, и довольно низким развитием прикладных наук, изобретений и технологий – с другой, объясняется использованием труда рабов. Утверждается, что дешевый ручной труд рабов препятствовал техническим и технологическим усовершенствованиям, приводил к низкой оценке технических изысканий по сравнению с теоретическими, предпочтению теории практике.

В статье «Об одной особенности менталитета древних греков»¹¹ автор этих строк пытался показать, что названная диспропорция объясняется национальным характером древних греков, их психическим складом и духовным настроем. Выдвинутая этнопсихологическая концепция была поддержана историком Ю. В. Андреевым. Говоря о «фатальной ограниченности перспектив технического прогресса в античном мире», автор полагает, что объяснение этому явлению «следует искать не столько в особенностях экономического и социального развития древних греков, сколько в психологии эпохи, и прежде всего в незаинтересованности в увеличении технологического потенциала их цивилизации»¹².

«Ссылки на рабство, которое будто бы и было главным сдерживающим фактором» технических усовершенствований, представляются Ю. В. Андрееву проблематичными. Дело в том, что «положение рабочего класса в Европе во времена промышленной революции было немногим лучше

---

¹¹ Вопросы философии. 1996. № 2. С. 137–144.

¹² Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. СПб, 1998. С. 377.

положения греческих или римских рабов, а труд наемных рабочих, вероятно, обходился их нанимателям даже дешевле, чем рабский. Скорее всего, дело здесь в том, что врожденное чувство меры подсказывало грекам, что лучше вовремя остановиться и не заходить слишком далеко в противопоставлении себя и своей цивилизации миру природы»¹³. Словом, в отличие от сложившегося в Новое время в европейской истории и имеющего место и поныне взгляда на природу как на мертвое тело и объект хищнической эксплуатации (откуда и переживаемый в наши дни экологический кризис), древние греки относились к природе как к «божественному» живому организму, как к космосу – органическому строю вещей, не терпящему радикальных вмешательств в свои процессы, разного рода коренных преобразований и варварского к себе отношения.

---

¹³ Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. СПб, 1998. С. 377.